

Н. И. Винокуров (Москва), Л. Ю. Пономарев (Керчь)

Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров)

В процессе освоения салтово-маяцким населением Восточного Крыма были вновь заселены и обустроены десятки заброшенных античных поселений и городищ, территория и окрестности которых во всех отношениях были наиболее приспособлены для проживания и ведения хозяйственной деятельности.

К их числу относится, и античное городище Артезиан, на территории которого во второй половине VIII — первой половине X вв. размещалось довольно крупное поселение [1, с. 56]. Вследствие недостаточной изученности и плохой сохранности, его размеры, планировка и инфраструктура реконструируются с большими допущениями. Можно лишь полагать, что, как и все остальные салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова, оно представляло собой неукрепленное селище с обособленными и хаотично расположенными постройками [2, с. 135].

На поселении выявлены многочисленные жилые, хозяйственные и сакральные комплексы — полуземлянки, наземные постройки, хозяйственные ямы, ритуальные захоронения людей и животных и несколько грунтовых погребений.

Ни одну из полуземлянок пока не удалось интерпретировать как жилое сооружение, поскольку в их котлованах не было обнаружено отопительных и других хозяйственно-бытовых устройств. По-видимому, большей частью они использовались в хозяйственных целях, а некоторые аморфные в плане котлованы, скорее всего, представляли собой обычные перекопы.

К числу надежно атрибутируемых хозяйственных комплексов, возможно, амбаров-зернохранилищ, относятся две полуземлянки с пифосами на раскопе I. Позднее засыпанный котлован одной из них разрушили третьей полуземлянкой, оборудованной с юга пологим пандусом, переходящим у пола в ступеньки.

Помимо полуземлянок обнаружены остатки наземных и слегка заглубленных построек, фундаменты которых были возведены из камня. За редким исключением их планировку реконструировать не удалось.

Наиболее хорошо сохранилась однокамерная заглубленная постройка 15 на раскопе II, датирующаяся не ранее второй половины IX в. (рис. 1: 1). Размеры постройки 3,45–3,92 × 5,49–5,34 м. Стены ее фундамента сложены однолицевой, иррегулярной кладкой. Камни на отдельных участках уложены «в елочку». Пол помещения и хозяйственно-бытовые устройства не сохранились.

К числу наиболее поздних комплексов, функционировавших не ранее второй половины IX в., относится усадьба на раскопе III. В центральной ее части находился двухкамерный дом, а к северу и югу от него две, сменившие друг друга, хозяйственные постройки и несколько хозяйственных ям (рис. 1: 3).

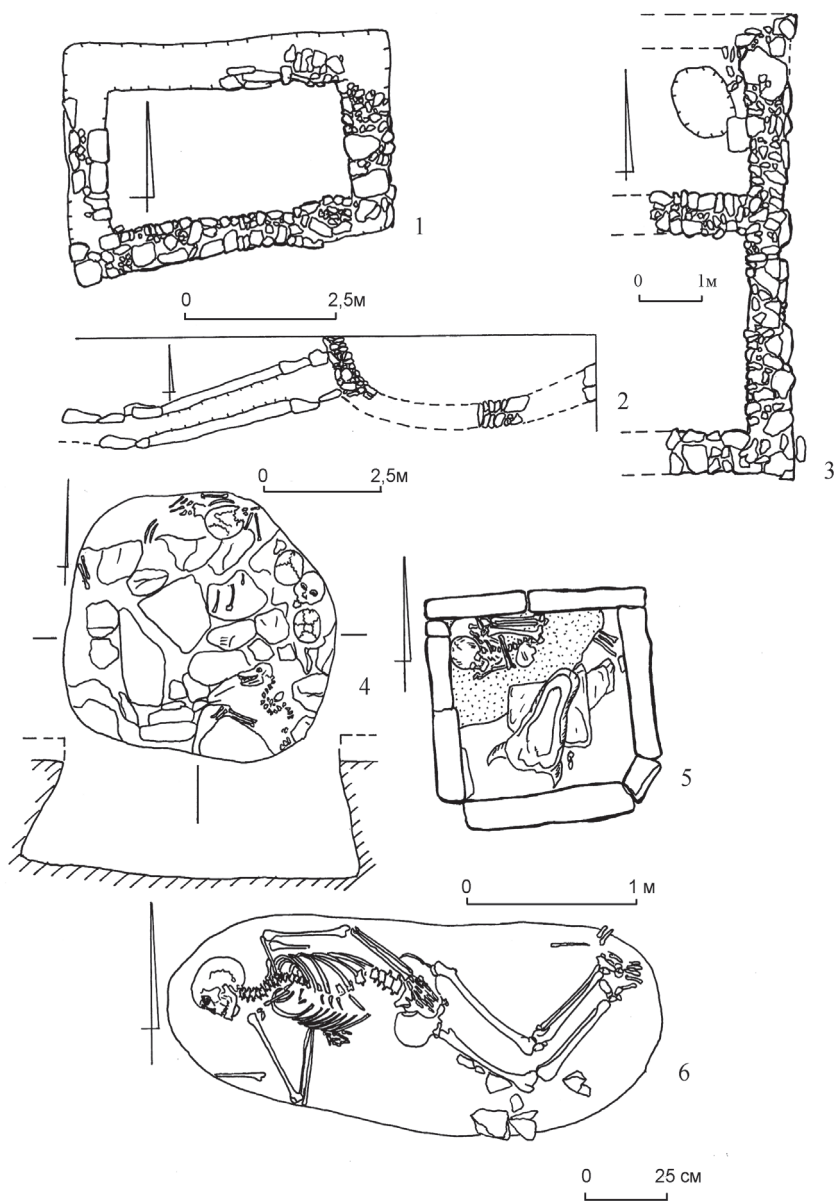

Рис. 1. Жилищно-хозяйственные, ритуальные и погребальные комплексы салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан:

1 — постройка 15; 2 — загон для скота с желобом-стоком; 3 — двухкамерная постройка; 4 — яма 120, план на уровне завала из камней и детских черепов; 5 — «колодец» с захоронением подростка и костей быка; 6 — погребение 14

Среди других построек следует отметить каменную загородку на раскопе I. Судя по всему, она имела в плане овальную форму и была оборудована каменным желобом для сточных вод (рис. 1: 2). Вероятно, как и кольцеобразные загородки поселения «Над источником» (г. Опук), это сооружение представляло собой загон для скота.

Наиболее сложны в интерпретации ритуальные комплексы и захоронения, впервые в таком большом количестве зафиксированные на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова. Три из них — северо-западный, юго-восточный и южный, располагались в раскопе I на небольшом расстоянии друг от друга [3, с. 63–72].

Северо-западный комплекс представлял собой захоронение подростка в яме (№ 9), в скорченном положении на правом боку, головой на ЮЗ. Состояние костей скелета, прежде всего нижних конечностей, находившихся вне анатомического порядка, позволяют говорить о совершенном обряде обезвреживания.

Южный ритуальный комплекс представлял собой совместное захоронение подростка и *pars pro toto* туши быка в каменном сооружении, напоминавшем колодец, горловину которого перекрывала известняковая поилка для животных. Скелет подростка, в скорченном положении, выявлен на прослойке горелого грунта в СЗ углу «колодца». Состояние его костей указывает на то, что перед погребением, ноги были отчленены по бедренным суставам, а стопы — по суставам голеней. Возможно, также, были подрезаны сухожилия и отделена голова. Здесь же был обнаружен череп быка, кости его хвоста и плюсневые кости ног (рис. 1: 5). Их положение свидетельствует о захоронении шкуры быка, снятой вместе с частями его скелета. Иными словами, речь идет о заместительной ритуальной жертве, по схеме — шкура вместо целого животного. Возможно, это захоронение было связано с земледельческим культами или культом плодородия, на что указывают обгоревшие зерна на дне «колодца», а также жернов и обломок плиты зернотерки, обнаруженные недалеко от него.

На этом же участке, на дне перекопа в 12 м к северу от «колодца», обнаружено второе ритуальное захоронение, включавшее челюсть мужчины, а также кости черепа и ноги жеребенка.

Третье ритуальное захоронение частей человека и животного — черепа взрослого человека вместе с длинными костями и фрагментами черепной коробки быка(?), обнаружено на дне перекопа в 7 м к СВ от «колодца».

В состав этого же комплекса, возможно, входили еще три ритуальных захоронения, обнаруженные в СВ углу раскопа III. Одно из них — захоронение коровы. Второе — погребение 16 в грунтовой яме, в которой расчищен скелет молодой женщины, уложенной на спине в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Третье захоронение совершено в античном (?) колодце, находившемся в котловане перекопа, в заполнении которого обнаружены разрозненные человеческие кости двух или трех взрослых индивидов. Внутри

колодца выявлено нескольких десятков скелетов собак, перекрытых наброской из камней. Ниже зачищены разрозненные кости и раздавленные черепа нескольких человеческих скелетов. К сожалению, ввиду аварийного состояния кладки, колодец доследован не был.

И, наконец, в нескольких десятках метрах к СВ от южного комплекса был обнаружен небольшой жертвенник в виде каменной поилки, перекрытой жерновом. Внутри нее находились кости птиц, мелкого рогатого скота и обломки ойнохой.

Последний — юго-восточный комплекс включал в себя ямы 120, 108, котлованы 1–4 и, возможно, несколько обширных по площади перекопов. В яме 120 обнаружены останки пяти детей и костяки двух собак, в яме 108 — шесть амфор, в котлованах — сбросы керамического боя, а в перекопах — локальные скопления костей крупного рогатого скота. Особый интерес представляет яма 120. На ее дне расчищены две причерноморские амфоры, в одной — скелет щенка 4–5 месяцев. Выше, на слое каменного завала с примесью угольков, костей крупного рогатого скота и детских костей, находились пять детских черепов, уложенных вдоль бортов ямы (рис. 1: 4). Рядом с ними зачищен полный скелет собаки, под которым выявлено еще несколько разрозненных костей ребенка. Очень похожий ритуальный комплекс обнаружен недалеко от городища Тиритака, но в отличие от рассматриваемого захоронения, помимо детских черепов, он включал черепа собак, жернов и отчлененную фалангу пальца [4, с. 32].

Помимо погребений подростка (№ 9) и женщины (№ 16) на поселении были обнаружены еще два одиночных захоронения в грунтовых ямах [5, с. 56–60]. Одно из них — погребение 14 открыто на раскопе III в котловане полуземлянки, заброшенной не позднее второй половины IX в. Погребенная в нем женщина уложена на спине с небольшим разворотом на правый бок, головой на запад (рис. 1: 6). Скелет по всей длине обложен бутовыми камнями. Нижние конечности согнуты в коленях и развернуты на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, немного согнута в локтевом суставе, кистью на тазовых костях. Предплечье правой руки отставлено от туловища под углом 45 градусов, рука согнута в локтевом суставе и запястьем упирается в правый бок. Кости кисти неестественно вывернуты. На одном из пальцев обнаружено обычное для салтовских захоронений бронзовое кольцо, на щитке которого выгравирован солярный символ в виде многолучевой звезды.

Второе захоронение — погребение 15, обнаруженное на раскопе II, оказалось частично перекрытым постройкой 15. В могиле расчищен скелет мужчины, уложенный на спине, головой на запад. Руки, согнутые в локтевых суставах, находились на нижнем отделе грудной клетки. Скелет частично обложен бутовыми камнями. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Таким образом, на поселении обнаружено уже четыре одиночных погребения в грунтовых ямах. И, хотя, по-видимому, некоторые из них связаны

с расположенными поблизости ритуальными комплексами, все они тяготели к жилой застройке. Подобного рода грунтовые захоронения, к тому же со следами обряда обезвреживания погребенных, на Керченском полуострове пока что прослежены только на поселении Осовины-I [6, с. 192–193]. За пределами Крыма погребения, совершенные на территории «живых», раскопаны на Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселении у с. Жовтневое и ст. Богоявленской. По мнению исследователей, совершались они по различным причинам религиозного или общественного характера [7, с. 67].

К сожалению, большая часть исследованных на городище салтово-маяцких комплексов не имеет узких временных рамок, а в некоторых случаях их, как и поселение в целом, приходится датировать второй половиной VIII — первой половиной X вв. Остальные комплексы удалось разделить на два хронологических периода, основным критерием для которых служит стратиграфическая ситуация, а также отсутствие или наличие в комплексах высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, бытовавших не ранее второй половины IX в.

Литература

1. *Винокуров Н. И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. — М., 1998.
2. *Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники) // Таврійські студії. Історичні науки. — Сімферополь, 2013. — № 1 (4).
3. *Винокуров Н. И.* Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. — М., 2004. — Вып. 3.
4. *Марти Ю. Ю.* Разведочные работы вне городских стен Тиритаки // МИА. — 1941. — № 4.
5. *Винокуров Н. И.* Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения. — Керчь, 2011. — Вып. 12.
6. *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. — 2007. — Вып. 13.
7. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.

